

УДК 343.14
DOI 10.52452/19931778_2025_3_107

«АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ» ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОДЛЕЖИТ ЛИ ОН ИСПОЛЬЗОВАНИЮ?

© 2025 г.

С.Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

s.rossinskiy@gmail.com

Поступила в редакцию 01.06.2025

Рассматривается один из существующих доктринальных подходов к пониманию уголовно-процессуального доказывания, состоящий в его признании не столько разновидностью познавательной деятельности, сколько формой обоснования позиций сторон перед субъектом-правоприменителем. Исходя из подчиненности сущности доказывания объективным законам и закономерностям психофизиологического взаимодействия людей с окружающей реальностью, принимая во внимание традиционную приверженность российских механизмов досудебного и судебного производства континентальным (романо-германским) канонам уголовной юстиции, формулируется вывод о неприемлемости данного подхода для использования в доктрине, правотворчестве и правоприменительной практике. Утверждается неверность усматривания цели доказывания лишь в склонении суда к вынесению отвечающего интересам обвинения либо защиты процессуального решения.

Ключевые слова: доказывание; обоснование процессуального решения; позиция стороны защиты; позиция стороны обвинения; субъекты доказывания; уголовно-процессуальное познание; цель доказывания.

На фоне множества вопросов, традиционно присущих предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел, особой актуальностью всегда характеризовались и продолжают характеризоваться проблемы теории, правового регулирования и практики уголовно-процессуального доказывания. Ввиду предопределенности имеющими «естественное» происхождение закономерностями восприятия и умственной генерации полезных сведений, данные проблемы явно не предрасположены к быстрому разрешению. Напротив, несмотря на пристальное внимание ученых, невзирая на множество доктринальных исследований и соответствующих публикаций, практически ни один так или иначе связанный с феноменом уголовно-процессуального доказывания вопрос нельзя признать окончательно «закрытым», а обусловленные им дальнейшие научные поиски – бессмысленными. Подходы к разрешению подавляющего большинства существующих проблем по-прежнему не предполагают какого-либо единства и лишь приводят к новым и новым раундам дискуссий и полемических обсуждений.

На сегодняшний день даже не наблюдается более или менее единодушного доктринального подхода к самой сущности уголовно-процессуального доказывания и его роли в решении стоящих перед уголовной юстицией задач. Вместо этого высказываются совершенно разные, в

том числе прямо противоположные, как бы антитетичные по отношению друг к другу позиции. Так, многие ученые понимали и продолжают понимать под доказыванием особую, подлежащую использованию для нужд уголовного судопроизводства разновидность когнитивной (вариативно – когнитивно-удостоверительной) деятельности должностных лиц органов предварительного расследования, прокуроров, судей, присяжных заседателей, реже – других участников уголовно-процессуальных правоотношений, то есть специфическую разновидность познания (познания-удостоверения) людьми определенных фрагментов окружающей реальности [1, с. 81; 2, с. 6; 3, с. 21 и мн. др.]. В монографиях и статьях еще одной группы ученых доказыванию придавался и продолжает придаваться более широкий, всеобъемлющий, в определенном смысле даже универсальный смысл – в содержание этой деятельности включались и продолжают включаться как познавательные (познавательные-удостоверительные), так и аргументационно-логические, в том числе риторические компоненты [4, с. 92; 5, с. 299; 6, с. 32–33; 7, с. 60 и др.].

Вместе с тем в иных публикациях можно встретить принципиально другие взгляды – доказывание считается не столько разновидностью познания (познания-удостоверения), сколько процессуальной формой обоснования позиций сторон. Под ним (доказыванием) по-

нимается деятельность государственных обвинителей, защитников, обвиняемых (подозреваемых), их законных представителей, потерпевших (частных обвинителей), гражданских истцов, ответчиков, их представителей, состоящая в совокупности риторических приемов, в подборе и надлежащем доведении до субъектов принятия решений, в первую очередь до суда, веских логических доводов, направленных на аргументацию правильности собственных тезисов и ошибочности «контртезисов» процессуальных оппонентов. Таким образом, подразумевается, что доказать какую-либо позицию – значит склонить адресата-правоприменителя на свою сторону, заставив поверить в ее верность и справедливость, в реальность детерминирующих ее фактов и обстоятельств. И в этой связи проводится четкое размежевание познания и доказывания в зависимости от функциональной принадлежности соответствующих участников уголовного судопроизводства, то есть ввиду выполнения разных процессуальных функций: субъектами познания признаются суды (вариативно – должностные лица органов предварительного расследования), тогда как субъектами доказывания – различные участники со стороны обвинения и стороны защиты. Рассмотрению подобного подхода к пониманию уголовно-процессуального доказывания, выявлению его недостатков, а также оценке его приемлемости для использования в доктрине, правотворчестве, правоприменительной практике и посвящена настоящая статья.

Генезис представлений об уголовно-процессуальном доказывании как о форме обоснования позиций сторон

Вообще идеи о доказывании как об обосновании позиций сторон начали высказываться еще в советский период развития процессуального права. В частности, они нашли отражение в известной монографии С.В. Курьлева «Основы теории доказывания в советском правосудии», где были выражены в виде меткого доктринального афоризма: «Доказывание – не познание, оно – для познания» [8, с. 33–35]. Осуществляя свои изыскания на стыке уголовно-процессуального и гражданского процессуального права, ученый включал познавательную деятельность в компетенцию суда, тогда как доказывание отождествлял исключительно с функциями сторон. Более того, саму потребность в доказывании автор закономерно связывал лишь с определенной «конфликтностью» возникающих по уголовным или гражданским делам ситуаций – с оспариваниями представителями одной стороны позиций, излагаемых представителями другой.

Вместе с тем «расцвет» подобного подхода к сущности доказывания все же начался после принятия в 2001 г. действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ, Кодекс), официально закрепившего пресловутую состязательность англосаксонского типа, с четким разграничением «функциональных» субъектов уголовного судопроизводства на суд, участников со стороны обвинения и участников со стороны защиты. Например, таких взглядов на протяжении ряда лет планомерно придерживается Ю.П. Боруленков – ассоциирует смыслы юридического познания и доказывания с разными процессуальными функциями и предопределенными ими специфическими интересами: познание олицетворяется с работой суда, а доказывание – со стремлениями сторон к аргументации высказываемых утверждений [9, с. 220–221; 10, с. 372]. Эту же точку зрения в последние годы жизни активно отстаивал пишущий на русском языке известный латвийский ученый Р.Г. Домбровский [11, с. 39]. Правда ранее, до распада Советского Союза, он придерживался несколько иных, не столь прозападных взглядов [12, с. 21]. Схожие позиции также встречаются в публикациях ряда других современных ученых [13, с. 14–15; 14, с. 155 и др.].

Кстати, весьма примечательно, что в науке гражданского процесса подобные идеи появились гораздо раньше и укоренились значительно глубже. Например, крупный советский ученый-цивилист А.Ф. Клейнман еще в 1950 г. предлагал полностью освободить суд от бремени доказывания с возложением соответствующих процессуальных обязанностей исключительно на стороны. «Суд не доказывает, он решает», – утверждал автор, тем самым опровергая потребность в признании суда субъектом доказывания и усматривая его гражданско-процессуальную роль лишь в надлежащем разрешении (!) правовых споров и конфликтов цивилистического характера [15, с. 40]. Позднее данная точка зрения нашла отражение в публикациях Л.А. Ванеевой – гражданско-процессуальное доказывание было признано деятельностью сторон и прочих участников судебных заседаний, направленной на аргументацию правомерности и справедливости либо, наоборот, ошибочности и несостоятельности заявленных претензий, тогда как познание – лишь формой восприятия судом имеющих значение для соответствующего дела обстоятельств [16, с. 43]. Схожие позиции высказывались и рядом других цивилистов, тогда как в известном «Курсе доказательственного права» доказывание и познание вообще признаются «исконно гетерогенными категориями» [17, с. 107].

**Доказывание как феномен,
подчиненный единым законам
и закономерностям психофизиологического
взаимодействия людей
с окружающей реальностью**

Вследствие отсутствия общепризнанного доктринального подхода к сущности уголовно-процессуального доказывания, ввиду бытования нескольких базовых научных концептов и множества вариативных точек зрения о смысле, предназначении, субъектах и содержании этого «увлекательного» процессуального занятия проявляющие к нему интерес ученые закономерно сталкиваются (просто не могут не сталкиваться!) с вполне очевидными трудностями. Всякому желающему внести посильную лепту в разрешение ряда извечных проблем теории, нормативного регулирования и практики доказывания приходится уделять определенное внимание всем, по крайней мере наиболее авторитетным либо оригинальным научным взглядам, пытаться «улавливать их логику», то есть распознавать используемые для их обоснования доводы и аргументы, сравнивать их между собой, оценивать их достоинства, недостатки и т.д. Но, как представляется, существует гораздо более надежный и эффективный путь – попытаться разобраться с имеющимся многообразием базовых идей и вариативных точек зрения о сущности доказывания исходя из его очевидной и неперенной подчиненности возникшим и существующим вне зависимости от позитивного правотворчества законам и закономерностям психофизиологического взаимодействия людей с окружающей реальностью: восприятия и умственной трансформации полезных сведений, логического мышления и прочих «естественных» процессов, сопутствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснованию соответствующих правоприменительных решений. Именно такие законы и закономерности видятся единственно приемлемыми методологическими опорами для формирования новых и развития имеющихся постулатов теории уголовно-процессуального доказывания, совершенствования на их основе соответствующих положений законодательства и оптимизации прикладных рекомендаций. Причем эти законы и закономерности являются едиными для самых различных сфер человеческой жизнедеятельности. Думается, что их работу можно наблюдать и в «макросреде» – в ходе изучения и уразумения «крупных» событий и явлений, например принципов существования природы, устройства социума, формирования общественного мнения, и в «микросреде» –

при реконструкции единичных фрагментов окружающей реальности, в том числе различных юридических фактов криминального характера: места, времени, способа преступления, виновности лица в его совершении и пр. К слову, подобные идеи ранее высказывались и другими учеными. Например, точка зрения о предопределенности уголовно-процессуального доказывания едиными законами познания человечеством окружающей реальности усматривается в известной монографии А.И. Трусова 1960 г. Причем гипотетический отказ от использования данных законов для нужд правосудия автор справедливо увязал с принципиальной невозможностью какой-либо когниции и установления истины [18, с. 10]. Позднее на уголовно-процессуальное доказывание как на установление и понимание людьми обстоятельств окружающей их реальности, осуществляемые на основе единых для любых областей теории и практики закономерностей познания и логического мышления, было обращено внимание в опубликованной в 1995 г. книге Л.Д. Кокорева и Н.П. Кузнецова [19, с. 5]; такие же взгляды присущи и ряду других публикаций.

И в этой связи отождествление уголовно-процессуального доказывания исключительно с познанием (с познанием-удостоверением), то есть ограничение его содержания лишь совокупностью когнитивных приемов, сводящихся к восприятию, изучению и анализируемому подлежащих накоплению полезных сведений, начитает представляться вовсе не бесспорным. Данный подход видится далеко не таким незыблемым, каковым, по всей вероятности, казался В.П. Божьеву, П.А. Лупинской, А.А. Хмырову, другим известным авторам, включая фактически вступающего в противоречия с самим собой А.И. Трусова, далеко не таким приемлемым для официального признания, каковым, скорее всего, кажется многим современным ученым-процессуалистам. Очевидные недостатки подобного понимания доказывания становятся хорошо заметными на фоне субъективности когнитивной деятельности, в том числе неспособности людей к точному определению «коэффициента мысленного искажения» воспринимаемых ими сведений. К тому же уголовному судопроизводству вообще преимущественно свойственна опосредованность познания, обусловленная ретроспективностью (нахождением в прошлом) основного массива подлежащих установлению (доказыванию) обстоятельств, в первую очередь обстоятельств, входящих в содержание так называемого «главного факта» – события преступления, виновности лица и т.п. В силу вполне понятных причин время реально-

го существования подавляющего большинства таких обстоятельств предшествует времени их установления судами, органами предварительного расследования, другими субъектами уголовно-процессуального доказывания, в связи с чем их непосредственное познание в ходе уголовного судопроизводства представляется возможным лишь в достаточно редких случаях. Чаще всего подобные когнитивные задачи решаются посредством восприятия, изучения, осмысления и сопоставления с «известными величинами» либо между собой сохранившихся следов преступления. Другими словами, субъектам уголовно-процессуального доказывания свойственно не столько наблюдать подлежащие установлению (доказыванию) обстоятельства, не столько воспринимать их в «режиме реального времени», сколько угадывать их посредством мысленной реконструкции, воссоздания в своем воображении при помощи осуществления разнообразных аналитических операций и выведения соответствующих умозаключений. И таким образом, ни профессиональные судьи, ни присяжные заседатели, ни должностные лица органов предварительного расследования не способны решать стоящие перед ними задачи, обходясь лишь «голыми» результатами опосредованного познания и не прибегая к помощи «инструментов» логического мышления, к умственной генерации накапливаемых сведений, к формулированию предопределенных ими (сведениями) выводов. Именно эти выводы, будучи «внутренними» источниками новых знаний о «главнофактовых» и прочих подлежащих установлению обстоятельствах, сами по себе либо в совокупности с другими выводами уготованы к превращению в процессуальные позиции, позволяющие формулировать правоприменительные решения либо пытаться оказывать посильное влияние на характер и содержание таких решений путем заявления ходатайств, подачи жалоб, внесения представлений, выступления в судебных заседаниях и т.п.

«Слабые звенья» представлений об уголовно-процессуальном доказывании как о форме обоснования позиций сторон

И в этой связи невольно вспоминается принципиально иной подход к пониманию уголовно-процессуального доказывания – рассмотренные выше представления о нем (доказывании) как о форме обоснования позиций сторон. В первую очередь вспоминаются идеи о жестком разграничении доказывания и познания (познания-удостоверения) как принципиально разных видов процессуальной деятельности, отнесенных

к сферам реализации различных уголовно-процессуальных функций в условиях состязательности: познания – к ведению суда, а доказывания – к полномочиям и правомочиям сторон. Более того, закономерно возникает вопрос о гипотетической возможности использования данного подхода в качестве методологической основы всей теории уголовно-процессуального доказывания и доказательственного права.

Но, увы! Ответ на такой вопрос может быть исключительно отрицательным. Из всех существующих подходов к пониманию уголовно-процессуального доказывания и его соотношению с познанием эти позиции представляются наименее удачными. Ввиду явной чужеродности национальным традициям правосудия они вообще плохо согласуются с еще сохраняющей приверженность континентальным (романо-германским) канонам общей парадигмой уголовного судопроизводства, во многом противоречат устоявшимся положениям уголовно-процессуального закона, а в особенности вытекающим из таких положений практическим алгоритмам и рекомендациям. По этим же причинам они не соответствуют «народным», то есть исторически сложившимся у населения, представлениям о роли и предназначении уголовной юстиции – плохо гармонизированы со все еще бытующим (так никуда и не девшимся) обывательским желанием видеть в судьях, прокурорах, следователях, дознавателях дотошных и кропотливых «устанавливателей» истины, сурьезной правды, то есть «выяснителей» всех обстоятельств и деталей преступлений, с одновременным возложением на них полноты ответственности за судьбы рядовых граждан, в своей массе не очень-то способных к самостоятельному участию в состязательных процессах, не располагающих средствами для приглашения компетентных и опытных юристов.

Подобные взгляды на познание как на исключительную прерогативу суда, а на доказывание – как на прерогативу сторон имеют достаточно много точек соприкосновения с некогда нашумевшим англосаксонским подходом к пониманию состязательности уголовного судопроизводства, подразумевающим гораздо меньшую, по крайней мере по сравнению с российскими механизмами, активность «юстиции», в первую очередь судебной власти, в установлении значимых для уголовного дела обстоятельств с одновременным переложением соответствующей «нагрузки» на стороны. А резкое оживление таких точек зрения было связано с официальной легализацией в действующем Кодексе ряда англосаксонско-ориентированных положений в целом и правил работы с доказательствами в частности.

Кроме того, в указанных позициях хорошо просматриваются пресловутые каноны доказывания в гражданском судопроизводстве и арбитражном судопроизводстве, предполагающие потребность в большей наступательности сторон для обоснования либо опровержения исковых и тому подобных требований. По всей вероятности, именно с этим связано и более раннее возникновение, и более глубокая укорененность таких взглядов в публикациях цивилистической направленности. К слову, и по праву признаваемый «отцом-основателем» данного подхода, автор формулы «Доказывание – не познание, оно – для познания» профессор С.В. Курылев вообще-то считал себя ученым-цивилистом. Невзирая на неопределимое значение некогда высказанных автором идей для развития теории уголовно-процессуального доказывания, его научные изыскания все же преимущественно посвящались более «мирным» формам реализации судебной власти.

Но даже в части рассмотрения гражданских и арбитражных дел, равно как и в части практического воплощения англосаксонской уголовно-процессуальной доктрины подобные суждения о доказывании и его соотношении с познанием все равно представляются достаточно спорными, не учитывающими ни ретроспективности большинства подлежащих установлению обстоятельств, ни судебных потребностей в надлежащем осмыслении их мысленных образов. А для публичного уголовного судопроизводства, где суд – нечто большее, чем просто суд, а «номинально» равноправные перед ним (судом) стороны в реальности располагают далеко не одинаковыми возможностями по собиранию и представлению доказательственного материала, говорить о справедливости и потенциальной жизнеспособности данных научных позиций вообще не приходится – они видятся абсолютно неприемлемыми, противоречащими самой природе современной уголовной юстиции.

Выводы

Представляется, что доказывание нельзя сводить к одной лишь совокупности риторических приемов обвинителей, защитников, обвиняемых (подсудимых), иных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения или стороны защиты, нельзя ограничивать одним лишь подбором и надлежащим доведением до правоприменителей веских доводов, аргументов, силлогистических посылок, способствующих формированию их усмотрений в условиях состязательности. И таким образом, доказывание неверно признавать исключитель-

но формой убеждения в правильности одних позиций и ошибочности других, а его цель видеть не более чем в склонении суда к вынесению отвечающего интересам обвинения или защиты, подчас и просто выгодного кому-либо из участвующих лиц решения.

Несмотря на мнимую эстетику, на схожесть с сюжетами известных голливудских шедевров, продуктов современной отечественной киноиндустрии и тому подобных экранных сказок про красноречивые выступления адвокатов в судебных заседаниях, подобное понимание доказывания мало соответствует реальным потребностям правоприменительной практики. Ведь, не будучи предрасположенными к собственной когниции подлежащих установлению обстоятельств, государственные либо частные обвинители, защитники, обвиняемые, другие воплощения сторон обвинения и защиты попросту не имели бы возможности надлежаще подготовиться к участию в судебных диспутах, не располагали бы должными гносеологическими ресурсами ни для формирования требуемых аргументов, доводов, логических посылок, ни для определения тактики их использования. Уголовно-процессуальное доказывание в этом случае превратилось бы в бессмысленную череду никак не связанных со своим собственным предметом риторических маневров, а деятельность сторон – в пустое «сотрясение воздуха», в спор ради спора.

Любые пригодные к использованию для нужд уголовного судопроизводства аргументы, доводы, силлогистические посылки не способны возникать из ниоткуда, появляться «из воздуха». Возникновение всех этих формально-логических ресурсов всегда надлежит связывать с результатами предшествующей познавательной деятельности их «создателей», сводящейся к собственному установлению данными лицами обстоятельств случившегося и направленной на «приватное» уразумение и «приватную» оценку произошедшего, а также на осознание перспектив и определение конкретных средств обоснования соответствующих правоприменительных актов. Более того, сказанное нельзя относить лишь к механизмам участия в уголовных делах воплощений сторон обвинения и защиты. Подобные закономерности наблюдаются в работе любых субъектов доказывания независимо от выполняемой процессуальной роли. Каждому из них – и дознавателю, и следователю, и прокурору, и суду, и обвиняемому, и защитнику, и потерпевшему, и т.д. – свойственны как познавательные (познавательно-удостоверительные) приемы, так и аргументационно-логические операции.

В этой связи наиболее приемлемым для использования в доктрине, правотворчестве и правоприменительной практике представляется подход к сущности уголовно-процессуального

доказывания, предполагающий включение в его содержание как познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов, так и различных аргументационно-логических операций. А умелое внедрение данного подхода в правовую материю сможет поспособствовать сглаживанию ряда наблюдаемых в настоящее время проблем и противоречий уголовной юстиции.

Список литературы

1. Божьев В.П. Основные вопросы советского уголовного процесса: Учеб. пособие. М.: Академия МВД СССР, 1978. 97 с.
2. Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания: Учеб. пособие. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1996. 156 с.
3. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М.: Московский университет МВД России, 2005. 420 с.
4. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юридическая литература, 1964. 179 с.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.
6. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. 174 с.
7. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: ООО «Издательство учебно-методического центра Уральского политехнического института», 2004. 298 с.
8. Курьлев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский государственный университет, 1969. 203 с.
9. Боруленков Ю.П. Юридическое познание. М.: Юрлитинформ, 2014. 391 с.
10. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание. М.: Юрлитинформ, 2016. 536 с.
11. Домбровский Р.Г. Основы судебного доказывания в уголовном процессе. Рига: AFS, 2011. 158 с.
12. Домбровский Р.Г. Познание и доказывание в расследовании преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев: Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, 1990. 45 с.
13. Татаров Л.А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2007. 29 с.
14. Машовец А.А. Доказывание уголовного иска в состязательном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 154–158.
15. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе / Отв. ред. М.А. Гурвич. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 71 с.
16. Ванеева Л.А. Судебное познание в советском гражданском процессе. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1972. 133 с.
17. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / Под ред. М.А. Фокиной. М.: Статут, 2014. 496 с.
18. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1960. 176 с.
19. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1995. 268 с.

«ALTERNATIVE» CONCEPT OF PROOF IN CRIMINAL PROCEEDINGS: SHOULD IT BE USED?

S.B. Rossinskiy

The article examines one of the existing doctrinal approaches to understanding criminal procedural proof. It consists in recognizing proof not so much as a type of cognition and recording, but as a form of substantiation of the parties' positions before the subject of law enforcement. The subordination of the essence of proof to objective laws and patterns of psychophysiological interaction of people with the surrounding reality is taken into account. The traditional commitment of Russian mechanisms of pre-trial and judicial proceedings in relation to continental (Romano-Germanic) canons of criminal justice is taken into account. A conclusion is formulated on the unacceptability of this approach for use in doctrine, lawmaking and law enforcement practice. It is argued that the purpose of proof cannot be seen only in persuading the court to make a procedural decision that meets the interests of the prosecution or the defense.

Key words: proof; justification of a procedural decision; position of the defense; position of the prosecution; subjects of proof; criminal procedural knowledge; purpose of proof.

References

1. Bozhev V.P. Basic issues of the Soviet criminal process: Textbook. M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1978. 97 p.
2. Khmyrov A.A. Problems of the theory of proof: Textbook. Krasnodar: Kuban State University, 1996. 156 p.
3. Pobedkin A.V. Theory and methodology of the use of verbal information in criminal procedural evidence. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 420 p.
4. Arsenyev V.D. Questions of the general theory of judicial evidence. M.: Legal literature, 1964. 179 p.
5. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process. Vol. 1. M.: Science, 1968. 470 p.
6. Orlov Yu.K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. M.: Jurist, 2009. 174 p.
7. Balakshin V.S. Evidence in the Theory and Practice of Criminal Procedure Proof. Yekaterinburg: Limited Liability Company «Publishing House of the Educational and Methodological Center of the Ural Polytechnic Institute», 2004. 298 p.

8. Kurylev S.V. Fundamentals of the theory of evidence in Soviet justice. Minsk: Belarusian State University, 1969. 203 p.
9. Borulenkov Yu.P. Legal cognition. M.: Yurlitinform, 2014. 391 p.
Borulenkov Yu.P. Legal Knowledge, Proof, and Proving. M.: Yurlitinform, 2016. 536 p.
11. Dombrovsky R.G. Fundamentals of judicial evidence in criminal proceedings. Riga: AFS, 2011. 158 p.
12. Dombrovsky R.G. Cognition and evidence in the investigation of crimes: Abstract of the dissertation of the Doctor of Law. Kyiv: Taras Shevchenko Kyiv State University, 1990. 45 p.
13. Tatarov L.A. Methodological and methodological problems of proving the circumstances of a crime: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 29 p.
14. Mashovets A.A. Proving a criminal claim in adversarial proceedings // Society and law. 2013. № 2 (44). P. 154–158.
15. Kleinman A.F. Basic issues of the theory of evidence in the Soviet civil process / Ed. by M.A. Gurvich. M.–L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 71 p.
16. Vaneeva L.A. Judicial cognition in the Soviet civil process. Vladivostok: Far Eastern State University, 1972. 133 p.
17. The course of evidentiary law: Civil procedure. Arbitration process / Ed. by M.A. Fokina. M.: Statute, 2014. 496 p.
18. Trusov A.I. Fundamentals of the theory of judicial evidence. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1960. 176 p.
19. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Criminal procedure: evidence and proof. Voronezh: Voronezh State University, 1995. 268 p.